

A woman with long brown hair and glowing yellow eyes stands in the center of a dark, ruined temple. She is holding a large, unrolled scroll with both hands. The temple has several tall, fluted columns and a ceiling with broken stone tiles. The floor is covered in rubble. The lighting is dramatic, with a strong light source from above creating a beam of light on the woman and the scroll.

Константин Погудин

**Королевство
Тишины Книга
вторая. Хор**

Константин Погудин

Королевство Тишины

Книга вторая. Хор

«Автор»

2026

Погудин К.

Королевство Тишины Книга вторая. Хор / К. Погудин —
«Автор», 2026

Прошёл год с тех пор, как север Эльдора впервые за двести лет услышал песню. Дом Тишины стал просто Домом, Беззвучные возвращают имена, а Ниара Вэйс всё ещё просыпается от чужого сердцебиения — оно теперь бьётся и в ней. Но не все рады весне. Лорд-канцлер Ровен Аскарт называет Освобождение «недоразумением» и вызывает Ниару в столицу. В Лиорене говорят вполголоса, на домах висят серые фонари «Покоя», а браслеты, обещающие защиту, что-то отбирают. Девочка с даром эха приносит из подвалов дворца браслет мёртвой подруги — и становится ясно: суд лишь ловушка. Тарен Вейлор встречает ту, кого считал погибшей. В подземелье гудит нота, и девять человек стоят в стеклянных колоннах, ожидая десятого. Чтобы остановить Канцлера до Праздника Фонарей, героям придётся узнать, откуда взялись Отзвуки, и решить, можно ли спасти мир, не став тишиной.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Приглашение с печатью	5
Глава вторая. Город, в котором умеют улыбаться	8
Глава третья. Реестр	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Константин Погудин

Королевство Тишины Книга вторая. Хор

Глава первая. Приглашение с печатью

За четыре месяца Дом Тишины так и не научился называться иначе.

Мы пробовали. Бывшие ученики голосовали за «Дом Голоса», «Дом Весны» и «Дом, в котором наконец шумно». Победило последнее, но на вывеске его уместить не удалось, и над воротами по-прежнему висела облупленная табличка со старым названием. Я не стала её снимать. Пусть напоминает, чем мы были и от чего ушли.

А шумно у нас теперь было с рассвета. Стирка на стенах, ссоры за кухонный стол, чей-то нескончаемый смех и чьи-то слёзы, которые больше никто не прятал. По утрам я учила тех, кто пришёл из окрестных деревень, не прятать Отзвук, а договариваться с ним. Как говорила мама: «Не запирай, а приручай».

Мама.

Я до сих пор ловила себя на том, что оборачиваюсь, когда слышу её шаги в коридоре. Она вернулась в Дом на третью неделю после ледяной колонны, слабая, худая, в чужом плаще, и поселилась в маленькой комнате с окном на цветущий склон. Отец приехал из Эльдора на следующий день. Они долго стояли друг напротив друга у ворот, два немолодых картографа, потерявших два года, и ни один не решался сделать первый шаг. Потом отец просто снял шапку, и мама рассмеялась так, что лёд на ближайшей луже пошёл трещинами.

С тех пор в нашей семье стало слишком много счастья, чтобы я чувствовала себя спокойно.

— Ты хмуришься, — сказал Кайрен.

Он стоял в дверях класса, прислонившись плечом к косяку, и в руках у него было письмо. Серая плотная бумага, тёмно-синяя печать с серебряной птицей. Я знала этот герб лучше, чем хотела бы.

— Это не хмурюсь, — ответила я. — Это думаю.

— Ты думаешь, что письмо плохое.

— Все письма из столицы плохие. — Я отложила мел. — Что там?

Он подошёл, и я, как обычно, почувствовала его раньше, чем увидела: ровное тепло, к которому за четыре месяца я так привыкла, что перестала его замечать. Теперь в этом тепле была тонкая нитка тревоги. Я потянулась навстречу и взяла письмо.

«Верховной Хранительнице Отзвука Ниаре Вэйс, — гласило оно. — Совет Короны приглашает вас и ваших спутников в Лиорен для слушания по делу о так называемом Освобождении Дома. Явка обязательна. Дорожные расходы возмещаются. Подписано: лорд-канцлер Ровен Аскарт».

— «Так называемом», — сказала я. — Прелесть.

— Мирин сказала бы, что это писал человек, который проверял каждую запятую на предмет эмоций. — Кайрен чуть заметно улыбнулся. — Здесь ни одной.

— Значит, он очень опасен.

— Или очень скучен.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня серьёзно, но в серых глазах, где всё ещё жила серебряная искра, плясало что-то весёлое. Раньше он не умел шутить. Теперь учился, и получалось у него неожиданно хорошо.

— Мы идём? — спросил он.

— А у нас есть выбор?

— Всегда есть выбор, — сказал Кайрен. — Просто не всегда приятный.

Совет мы устроили на кухне, потому что только там было достаточно стульев и кто-то обязательно жарил блины.

Мирин, закатав рукава, вымешивала тесто и одновременно командовала. За четыре месяца она подросла, загорела, из её волос торчали два цветка, которые она давно перестала замечать, и теперь в ней было что-то от хозяйки, привыкшей, что вокруг неё всё растёт. Рядом сидел Тарен, закинув ногу на ногу, и крутил в пальцах крошечный огонёк, как фокусник монетку.

— Лорд-канцлер, — сказал он. — Знаю. Он был замом Совета при Вере. Тот самый тип, который никогда не встаёт со стула, потому что боится, что стул без него обидится.

— Ты его видел?

— Дважды. Оба раза он улыбался. Один раз мне, второй раз моей тарелке. — Тарен затушил огонёк. — Мне не понравилось ни то, ни другое.

— Зачем ему мы? — спросила Мирин. — Он мог бы просто закрыть Дом.

— Потому что не может, — сказал вошедший Дальхейм.

Маршал вернулся в Дом на прошлой неделе, уже не в мундире Короны, а в простом тёмном плаще, и никто не спрашивал, подал ли он в отставку или его просто выставили. Он сел на скамью, принял от Мирин кружку и несколько минут молчал, глядя в чай.

— После Барьера Совет разделился, — сказал он наконец. — Половина требует наказать вас за самоуправство. Вторая половина считает, что вы спасли страну, но боится сказать это вслух. Аскарт играет на обеих половинах. Он собирает вокруг себя тех, кто боится. А бояться сейчас многие. Вы вернули людям чувства, а в столице, поверьте мне, у каждой семьи нашлось, о чём плакать.

— Мы не хотели... — начала я.

— Знаю. Но страх не слушает намерений. — Дальхейм поднял глаза. — Он хочет Реестр. Список всех, у кого есть Отзвук, с метками силы и браслетами для «неспокойных». Для общей безопасности. Он говорит об этом красиво.

— Браслеты, — тихо повторил Кайрен.

— Гасители. Подобные тем клинкам, что были у серых плащей. — Дальхейм посмотрел на него. — Простите. Я знаю, как вы относитесь к тишине.

Кайрен промолчал. Но я почувствовала, как в нём поднялась старая, давно похороненная усталость, и сжала его ладонь под столом.

— Значит, нам нужно ехать, — сказала я. — Если не поедет, он скажет, что мы прячемся.

— А если поедет, он может нас арестовать, — заметил Тарен.

— Может.

— Прекрасно. — Он улыбнулся. — Обожаю приключения, в которых главная опасность это бюрократия.

В этот момент в дверь постучали.

Мы одновременно обернулись. На пороге стояла девочка лет двенадцати: худая, лохматая, в слишком большой куртке, с цепким, настороженным взглядом уличной кошки. Она держала в руках что-то завёрнутое в тряпку.

— Тут живёт Ниара Вэйс? — спросила она.

— Это я.

Девочка шагнула вперёд, огляделась, и вдруг голос её изменился. Стал низким, ровным, до боли знакомым.

— «Мирин Вэйс свободна, — сказала она голосом Кайрена. — Закон исполнен».

Кайрен замер. Мирин уронила ложку.

— Он так сказал в тот день, когда мы встретились, — продолжал голос уже мамин, мягкий и усталый. — «Ищите там, где тихо». Я слышу, что люди говорят, — закончила девочка

своим, тонким и немного хриплым голосом. — Моя бабушка называла это эхом. Меня зовут Лис. Я пришла из Лиорена пешком. Мне нужно вам кое-что показать, пока он не узнал, что я ушла.

Она развернула тряпку.

Внутри лежал браслет. Тонкий, серебряный, холодный, с вытравленными по краю знаками. А из его замка тянулась нитка запёкшейся крови.

— Я сняла его с мёртвой, — сказала Лис. — Её звали Анда. Она была моей подругой. Браслеты надевают не для безопасности. Они не гасят Отзвук.

Она подняла глаза на нас, и я впервые увидела на детском лице то, чего там быть не должно: холодную взрослую ярость.

— Они его забирают.

Глава вторая. Город, в котором умеют улыбаться

Лиорен встретил нас дождём и колокольным звоном.

Я представляла его иначе. В детстве мне казалось, что столица Эльдора должна быть вся из белого камня и серебра, как на монетах. На деле это был огромный, мокрый, шумный город с серой черепицей, пёстрыми рынками и мостами через узкую чёрную реку. Здесь пахло рыбой, дымом и жареными каштанами. И, к моему удивлению, здесь было очень тихо.

Не как в Доме Тишины. Иначе. Люди не молчали, они говорили, торговались, смеялись. Но смеялись на полтона ниже, чем следовало. Плакал ребёнок, и мать тут же прижимала его к плечу, шепча: «Тише, тише». У ворот каждого дома висел маленький серый фонарик с надписью «Покой».

— Это новая мода, — пояснила Лис, ехавшая со мной в одной повозке, укутанная в два одеяла. — После Освобождения все испугались, что их Отзвук сорвётся. Канцлер сказал, что лучшее лекарство это дисциплина. Теперь на рынке нельзя повышать голос, а в театре аплодируют только одной рукой.

— Одной? — переспросила Мирин.

— Потому что двумя шумно.

Тарен хмыкнул, и я увидела, как он прячет за кашлем смех. Но смеяться в самом деле не хотелось. Мы ехали по улицам, где люди расступались перед нашими повозками, и в каждом взгляде я читала одно и то же: страх. Не к нам лично. К тому, что мы принесли с собой. К самой возможности почувствовать что-то слишком сильно.

Нас разместили в гостевых покоях Совета, в левом крыле старого дворца. Комнаты были роскошными, светлыми, с высокими окнами и мягкими коврами. За каждой дверью дежурил молодой человек в тёмно-синем плаще и с серебряным браслетом на запястье.

— Это не стража, — сказал Дальхейм вполголоса. — Это «тихая гвардия». Новое изобретение Аскарта. Каждый её член добровольно носит гаситель, чтобы показать, что хорошему гражданину нечего скрывать.

— Они добровольно отдают Отзвук? — спросил Кайрен.

— Они уверены, что отдают его на хранение.

Он замолчал. Я посмотрела на молодого гвардейца у двери. Лицо у него было гладкое, вежливое, пустое. Совсем как у Веры в первый день.

Кайрен тоже смотрел. И я почувствовала, как внутри него тихо, но отчётливо шевельнулась старая боль.

— Мне это знакомо, — сказал он едва слышно.

Лорд-канцлер принял нас вечером.

Его кабинет располагался в башне над рекой. Огромное окно во всю стену, камин с живым огнём, стол из чёрного дерева. И человек, сидевший за ним.

Я ожидала увидеть тирана. Вместо этого передо мной поднялся из-за стола невысокий, полноватый мужчина лет пятидесяти, с добрыми глазами и мягкими руками, в простом сером сюртуке. Он выглядел как школьный учитель, который давно привык, что ученики его не слушают, но продолжает любить их всё равно.

— Хранительница Вэйс, — сказал он и поклонился. — Для меня честь. Присаживайтесь, прошу. Кайрен Ольхейм, рад вас видеть живым. Мирин Вэйс, вы, должно быть, та самая юная садовница, чьи цветы расцвели на половине севера. Господин Вейлор. Маршал, как приятно.

Он улыбался каждому, и каждому по-разному. Мне с теплом. Кайрену с сочувствием. Мирин с восхищением. Тарену с лёгкой иронией, как другу семьи. Дальхейму с уважением. Это было так умело сделано, что я не сразу поняла, что именно меня беспокоит.

Улыбка у него была настоящей. В ней не было пустоты. Это пугало больше всего.

— Я хочу прояснить главное, — продолжал Аскарт, наливая нам чай. — Я не враг вам. Вы сделали то, что должен был сделать кто-то двадцать лет назад. Вы остановили систему, которая пожирала людей. Я говорю это искренне. Мне больно думать, сколько жизней она сломала при моём молчаливом согласии.

— Тогда зачем браслеты? — спросила я.

Его улыбка не изменилась ни на волос.

— А, вы уже слышали. Это недоразумение. Браслеты задуманы как мера защиты. После Освобождения тысячи людей оказались с Отзвуком, к которому не готовы. Мы видели срывы, пожары, наводнения. Один юноша на днях разрушил целый квартал, потому что поссорился с невестой. Я не могу закрывать на это глаза.

— Анда не разрушала кварталов, — сказала Лис.

Аскарт повернул к ней голову. Только теперь я заметила, что она вошла за нами незаметно и стояла в тени, у самой двери. Он посмотрел на неё долго, и на лице его на миг мелькнуло что-то быстрое, острое, как тень птицы над водой.

— Девочка, — мягко сказал он. — Как тебя зовут?

— Лис.

— Лис. Красивое имя. — Он снова улыбнулся. — Мне очень жаль твою подругу. Если она пострадала, виновные будут наказаны. Обещаю.

— Вы можете это доказать? — спросил Кайрен.

— Разумеется. Завтра на заседании. — Аскарт развёл руками. — Я хочу, чтобы всё прошло открыто. Чтобы Совет и народ видели: мы не прячем ничего.

Мы вышли из кабинета в молчании. Только в коридоре, когда серые фонари «Покоя» остались позади, Мирин остановилась и прижала ладони к ушам.

— Нии, — прошептала она. — Он врёт. Не словами. Телом. Когда он говорил «обещаю», я слышала шёпот. Не человека. Что-то, что за ним.

— Ты слышала Беззвучных? — спросил Тарен.

— Нет. — Мирин покачала головой. — Что-то другое. Что-то, что поёт.

И тут Лис, стоявшая рядом, тихо повторила чужим, нездешним голосом, голосом Аскарта, но с интонацией, которой он при нас не использовал:

— «Ещё девять нот, и Хор будет готов».

Мы замерли.

— Откуда ты это взяла? — спросила я.

— Я слышала, как он говорил это ночью. Одному. Голосом такого же ровного человека, который сидит у него в стене.

Она подняла на меня испуганные, огромные глаза.

— Ниара, у него в кабинете есть дверь, которой нет на плане дворца.

Глава третья. Реестр

Заседание Совета проходило в Зале Эха, и название оказалось не метафорой.

Это был огромный круглый зал с высоким куполом, под которым любой шёпот возвращался сверху слабой серебряной волной. Двенадцать кресел полукругом. Галереи для публики, полные народа. И гвардейцы с браслетами вдоль стен, неподвижные, как статуи.

Нас посадили в центр, на низкие скамьи, лицом к Совету. Я чувствовала на себе сотни взглядов. Одни любопытные, другие враждебные, третьи полные такой надежды, что мне стало больно. Кайрен сидел справа, Мирин слева, позади Тарен и Дальхейм, и Лис, которую мы решили не оставлять одну, спряталась в тени моего плаща.

Аскарт открыл заседание лёгким ударом деревянного молотка.

— Достопочтенные члены Совета, граждане Эльдора, — сказал он. — Мы собрались, чтобы разобраться с событиями на севере. Вы все слышали о цветущей горе. Многие из вас потеряли сон. Некоторые потеряли близких. Я хочу, чтобы вы знали: Совет не ищет виновных. Мы ищем решения.

Он говорил красиво. Мягко, убедительно, без пафоса, как человек, который просто делится заботой. И я видела, как зал подаётся к нему, как люди на галереях кивают, как напряжённые плечи постепенно опускаются.

— Начнём с фактов, — продолжал он. — Двадцать лет Дом Тишины защищал нас от того, что находится за перевалами. Теперь Барьер изменился. Хранительница Вэйс утверждает, что он стал безопасным. Мы не можем это проверить. Мы можем только верить. А вера, как вы понимаете, не лучшая защита.

— У нас есть свидетели, — сказала я, вставая. — Сто двенадцать человек, вернувшихся к жизни. Бывшие Беззвучные, которые теперь дежурят на границе и возвращают себе имена. Хотите, я приведу их?

Аскарт улыбнулся.

— Хочу. Обязательно. Но сначала позвольте мне представить своего свидетеля.

Он кивнул гвардейцу, и в зал ввели женщину.

Она шла медленно, неуверенно, придерживаясь за руку сопровождающего. Тонкая, бледная, в серой накидке, с распущенными тёмными волосами. На левом запястье у неё поблёскивал серебряный браслет.

Тарен рядом со мной перестал дышать.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет.

Женщина подняла голову. У неё были мёдовые глаза. Те же, что у Тарена. Те же веснушки на переносице, тот же упрямый изгиб губ.

— Это Лейна Вейлор, — сказал Аскарт. — Мать вашего товарища.

Зал замер.

Я повернулась к Тарену. Он стоял, вцепившись в спинку скамьи, и лицо его было таким белым, что у меня сжалось сердце. Он не плакал. Не кричал. Просто смотрел на женщину, которая четыре года была для него мёртвой, и в его глазах не оставалось ничего, кроме растерянности ребёнка, потерявшегося на ярмарке.

— Она жива, — сказал Кайрен тихо. — Вера сказала, что она умерла. Я писал письма.

— Вера лгала, — мягко ответил Аскарт. — Лейна Вейлор попала в Дом Тишины после ранней Передачи. Она потеряла голос, память, большую часть Отзвука. Она стала одной из тех, кого вы теперь зовёте Беззвучными. Когда Барьер изменился, она пришла в себя. Мои люди нашли её на северной границе, больную и измученную. С тех пор она живёт под нашей защитой.

— Мама, — прошептал Тарен.

Лейна повернулась на его голос. Лицо её дрогнуло. Она хотела что-то сказать, но вместо слов из горла вырвался хриплый звук, и она в смятении коснулась шеи.

— Ей нельзя говорить много, — пояснил Аскарт. — Голос ещё слабый. Но она может подтвердить то, что нужно Совету.

Он подошёл к ней и положил руку на плечо.

— Госпожа Вейлор. Скажите, пожалуйста, что с вами сделали в Доме Тишины?

Женщина смотрела не на него. Она смотрела на Тарена. И в её глазах, огромных, мёдовых, измученных, было что-то такое, что я никогда не забуду: отчаянная, страшная просьба не верить.

Но она открыла рот и произнесла три слова, тихо, ровно, как заученный урок:

— Они... забрали меня.

Зал загудел.

— Они, — повторил Аскарт. — Кто именно?

— Те, кто... освободил Дом.

Тарен дёрнулся вперёд, но Дальхейм успел схватить его за плечо.

— Это неправда, — сказала я громко. — Она не в себе. Вы видите, что она не...

— Прошу порядка! — Аскарт поднял руку. — Я понимаю ваше волнение, Хранительница. Но давайте дослушаем.

Он повернулся к Совету, и его голос стал печальным и торжественным.

— Достопочтенные. Вот цена Освобождения. Люди, чьи Отзвуки вернулись внезапно, не готовые принять их. Люди, которые были подавлены двадцать лет, а теперь получили силу без дисциплины. Лейна Вейлор пострадала не от Дома Тишины. Она пострадала от тех, кто решил, что имеет право ломать порядок. Я предлагаю принять Закон о Реестре. Каждый, чей Отзвук превышает определённый порог, получит защиту Короны. И браслет, который поможет ему справиться.

— Это не защита, — сказала Лис.

Она вышла из тени. Маленькая, лохматая, в слишком большой куртке, и голос её прозвучал под куполом пугающе чисто.

— Я знала Анду, — сказала она. — Она была тихая. Её браслет надели в Доме Покоя. Через месяц она перестала узнавать меня. Через два умерла. Я сняла с неё браслет. — Она вытащила из кармана серебряный круг и швырнула его на пол. — Он не гасит. Он высасывает. Спросите у лорда-канцлера, куда уходит всё, что высасывают.

Зал взорвался.

Я никогда не слышала такого шума. Крики, свист, возмущённые вопли. Аскарт спокойно стоял посреди хаоса и смотрел на Лис. Не с гневом. С интересом. Как смотрят на редкую птицу, которая вдруг запела на чужом языке.

— Гвардия, — сказал он мягко. — Пожалуйста, уведите ребёнка. Она переутомлена.

Двое серых плащей двинулись к Лис.

Я встала между ними и девочкой.

Лёд вспыхнул на моих руках, прежде чем я успела подумать. Но это был не тот лёд, что раньше. Серебряный, беззвучный, ровный. Он вырос между мной и гвардейцами тонкой, едва заметной стеной.

— Не трогайте её, — сказала я.

Гвардейцы остановились. Аскарт поднял брови, и впервые за всё заседание в его улыбке мелькнуло то самое острое, птичье выражение.

— Хранительница Вэйс, — сказал он. — Вы применили Отзвук в зале Совета. Против гвардии Короны.

— Я защитила ребёнка.

— Вы нарушили порядок. — Он повернулся к судьям. — Я требую арестовать Хранительницу и её ближайших спутников до выяснения обстоятельств. Для их же безопасности.

Гвардейцы шагнули вперёд, все разом, и на запястьях у каждого серебряным светом вспыхнули браслеты.

Я почувствовала, как внутри меня, в том месте, где жил Кайрен, что-то оборвалось. Не больно, но резко, как порванная струна.

Я обернулась.

Кайрен стоял на коленях, держась за голову. К его запястью прикоснулся один из гвардейцев, и на коже уже защёлкивался тонкий серебряный круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.